

ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 323.327

О. В. Епархина

Б. Мур: социология революций в контексте анализа политических режимов

Как показывает исторический опыт, революционный потенциал аграрных обществ, реализуясь в классическом революционном процессе, приводит к становлению демократий западного типа; не реализуясь в собственно революционном процессе, ведет к модернизации общества на авторитарной, милитаристской основе. Движущей силой революций является протестный потенциал крестьянства.

Ключевые слова: революция, класс, крестьянство, демократия.

O. V. Eparkhina

B. Moore: Sociology of Revolutions in the Context of the Analysis of Political Regimes

As history shows, revolutionary potential of agrarian societies in classical revolutionary models, leads to the western type of democracy, in another models it leads to militaristic authoritarian modernization of society. The main force of revolution is peasant's protest potential.

Keywords: revolution, class, peasants, democracy.

Методология и философские основания работ Б. Мура, посвященных революционным процессам, заключаются в совмещении субъективного и объективного компонентов знания и выработке максимально прагматических политических критериев для анализа социальных структур. Он предлагает критический анализ марксистских интерпретаций исторических событий – войн, бунтов и пр., а также систем производства, исторически складывающихся форм правления. Пытаясь снять барьеры рационального мышления, он осмысливает проблемы демократической политической модели как следствия революций в Англии, США и Франции¹, рассматривает формы революционного насилия (включая диктатуру) и говорит о неоднозначности роли крестьянства как носителя революционности. Б. Мур выдвигает положения о коалиционности революционных действий, о связи революционной ситуации и революционного результата.

В работах Б. Мура подчеркиваются два основных момента: идея о том, что классовые коалиции вовлечены в великие модернизирующие революции и что этот процесс зависит от изменений агрокласса и курса на коммерциализацию агрокультуры с ростом государства и ликвидацией крестьянства, кооптацией аристократии и

джентри; идея о влиянии этих процессов на политическую организацию государства, в частности, на его сращивание с бюрократией и землевладельцами и на возникновение риска фашизма. Это иллюстрируется им примерами Англии, Франции, США, России, Индии, Китая и Германии. Революция играет интересную роль в схеме Б. Мура: главные революции (Английская, Французская и др.), по сути, являются резким переключением пути развития страны, но главный конфликт – в том числе и сама революция, сопровождающаяся структурными изменениями – включен в политическую систему.

Исследование Б. Муром великих современных революций основано на понятии коалиции классов, свергающей старый режим, то есть характер революционной ситуации определяет революционный результат, и подобные коалиции наиболее эффективно сработали во Франции, России, Англии, Америке. В целях раскрытия связи революционной ситуации и революционного результата им проведены сравнительные исследования Индии, Франции, Японии, Китая, Англии, Германии, России и США на основе сопоставления отношений собственности, информации, лояльности в этих странах. В свете этого им акцентируются 4 предпосылки революции:

- утрата элитами контроля над армией, полицией и иными органами насилия;
- проявление острых конфликтов внутри доминирующего класса;
- развитие расширения новых типов мышления и требований объяснения правомерности человеческих страданий;
- мобилизация революционных масс, требующих иных принципов перераспределения.

Ключевым же моментом концепции можно считать положение о том, что великие революции, будучи включенными в институциональный и иные компоненты политической системы, фактически сформировали как демократические институты современных обществ, так и предпосылки для формирования авторитарных и фашистских режимов (Германия, СССР, Китай, Япония).

Наиболее «социологизированный» вариант анализа революционных процессов представлен Б. Муром в работе «Социальное происхождение диктатуры и демократии», где им рассмотрены революционные основания происхождения современных форм демократии на примере Англии, Франции и США. Во всех трех случаях исследователь рассматривает революцию и гражданские войны как ответ на вызовы коммерциализации агрокультуры и как результат взаимодействия и борьбы старых и новых классов в условиях ограничений политической системы. Эти случаи происхождения современной демократии сравниваются и отчасти противопоставляются им азиатским процессам на примере Китая, Японии и Индии. Если Китай (как в имперских формах, так и в позднем коммунистическом варианте) является иллюстрацией разрушительного взаимодействия высших классов и имперской по сути политической системы с миром коммерции, в результате чего на политическую авансцену выступает крестьянство и военная аристократия, то азиатский фашизм японского формата характеризуется наличием революционных процессов в условиях новых и старых угроз, отсутствия крестьянской революции, а азиатская демократия, получившая возможность развития в мирных условиях в Индии, представляется уникальной в плане исторических условий для трансформаций: рост насилия как ответ на вызовы борьбы за независимость был погашен за счет социоструктурной стабильности общества.

Данная работа, базируясь на обширном эмпирическом материале, показывает социальные условия, в силу которых те или иные группы становились значимыми социальными силами за

спиной парламентских демократий, диктатур, фашистских или коммунистических режимов. Основой революций, по мнению Б. Мура, выступает развитие общественных групп с самостоятельными экономическими базами, протестующих против прошлого и стремящихся к демократическим версиям капитализма. Его интересует, в первую очередь, какую роль в этих процессах играют высшие землевладельческие классы и крестьянство; как революции и гражданские войны приводят к различным комбинациям капитализма и западной демократии; способы, которыми высшие классы и крестьяне реагируют на вызовы коммерциализации агрохозяйства, – именно они являются факторами, детерминирующими политические результаты развития обществ.

Выводы такого рода позволяют автору перейти к конструированию теории демократических оснований современных обществ, а также революционных процессов и поставить вопрос о возможностях социологического изучения образов революционности и реакционности.

Он показывает специфику исторического развития различных государств и связывает эти процессы со спецификой социальной структуры как основой последующих революционных по сути трансформаций, даже если они не имели видимых признаков революции в классическом ее понимании.

По сути, модель Мура здесь представляет собой упрощенную версию марксизма, когда каждая экономическая субструктура детерминирует определенные политические суперструктуры. Крестьяне во время революции порождают определенный политический институт, и такого рода движения становятся более открытой формой трансформаций в агрокультуре, когда, напротив, земельные аристократы нуждаются в таком протекционизме. Между тем, усиливаясь, буржуазия, начинает играть в этих отношениях роль не меньшую, чем знать и крестьяне. Коммерция и промышленность имеют социальную базу, сильно зависящую от старого порядка. В то же время, низшая страта крестьян и промышленных рабочих создает «субстрат», базу для революции.

На первый взгляд, его модель содержит и ряд противоречивых утверждений. Так, с его позиций оспаривается капиталистический характер Французской революции, поскольку насильственные коллективные действия крестьян были связаны с борьбой за собственность. Он задается вопросом о причинах конца радикальной фазы

народной революции и останавливается на событиях в Вандее с целью выяснить импульсы действий радикально настроенных крестьян: господство стандартной техники, относительно изолированная жизнь, слабый гнет аристократии.

Вандея оставалась монархической аграрной территорией. В отличие от остальной Франции, крестьяне Вандеи не боролись с натиском ремесленников, чтобы сохранить свой заработок², и фактически продолжали жить в условиях рустикальной экономики, то есть в условиях более простых аграрных отношений.³ Также сыграла роль более жесткая налоговая политика и силовая реорганизация локальных управленческих и церковных структур в 1790 г. Учитывая вышесказанное, можно все же предположить, что имела место буржуазная, капиталистическая революция, потому что «буржуазия уже овладела командными высотами экономической власти до революции»; но ее делали крестьяне и городской плебс – радикальные слои: «санкюлоты совершили ...революцию, крестьяне обусловили то, как далеко она пойдет»⁴.

Другое кажущееся противоречие этой теории – оценка Гражданской войны в Америке. Хотя ее и нельзя назвать полноценной революцией, Б. Мур указывает, что ее результатом стали именно революционные изменения: сформировался индустриальный капитализм, произошло перераспределение человеческих свобод, изменилось право, получила поддержку и защиту собственность. Однако имеются и аргументы против того, чтобы считать ее революцией:

- нет реальной связи между революцией и победой индустриального капитализма;

- эти процессы являлись результатом экономического роста, и не Гражданская война привнесла их в социальную реальность;

- отношения Севера и Юга были комплиментарны и непротиворечивы по сути.⁵

Однако эти аргументы легко опровергаются с помощью сравнительного анализа с аналогичными процессами в Германии, Японии.

Еще одним неоднозначным моментом концепции Мура можно считать возможность сопоставления европейских и американских моделей развития с азиатскими, что противоречит интеллектуальной традиции поиска единой траектории развития, ведущей к современному индустриальному обществу, демократии. Б. Мур говорит о мультивариантности развития; прекрасными иллюстрациями его точки зрения являются модели Китая, Японии и Индии.

Особый интерес представляет поиск Муром паттернов постреволюционного развития, ведущих к формированию фашистских режимов. Китайская модель дает Б. Муру возможность проведения аналогий с европейским фашизмом как германского, итальянского, так и испанского толка, японская – с германским фашизмом. В первом случае условием для такого сопоставления является то, что активизация крестьянских бунтов как признак структурной слабости и возможности возникновения революции требовали не только разрушения социальных границ, но и «формирования новых форм солидарности и лояльности»⁶, во втором – сильные феодальные тенденции в сочетании с раздробленностью правящих слоев привели к тому, что военная поддержка дайме и самураев стала играть ключевую роль в общественных отношениях, в том числе в общинной жизни. Безусловно, эти процессы можно назвать революцией, но с меньшим уровнем насилия, нежели во Франции, России и Китае. Отличие Японии состоит в том, что там внутренние социальные структуры конструировали одну альтернативу развития, которой и предстояло стать доминирующей. Японский вариант отличался и тем, что доминирование Европы в военном и технологическом смысле стало очень острым вопросом, и в целях национального выживания требовалось предпринимать меры на драматической скорости. Феодальные милитаристские традиции обеспечили Японии базис для реакционной версии индустриализации, а отсутствие крестьянской революции обусловили три причины: налоговая система Токугавы; специфика аграрного общества, наличие институтов, обеспечивающих адаптацию коммерческих агрокультурных слоев к новым условиям⁷. Кроме того, правительство контролировало крестьянские движения через систему этических норм и глав общин.

Еще одним уникальным примером модернизации общества по Б. Муру является Индия, одновременно принадлежавшая двум мирам: экономически – доиндустриальному, политически – современному. В ней не происходило ни буржуазных, ни консервативных, ни крестьянских революций⁸. Присутствие Британии предотвращало формирование реакционной коалиции по Германской и Японской моделям и даже способствовало отчасти спокойному сосуществованию буржуазии и крестьянства. Б. Мур, подробно анализируя роль в распоряжении земель крупных владельцев, рантье, заминдаров как проме-

жуточного слоя и беднейших крестьян, приходит к выводу, что качество земель, сконцентрированных в руках крупных владельцев, очень высоко, и потому, несмотря на отсутствие признаков классической революции, фактически речь идет о революции в агрокультуре, а главным изменением в социальной структуре под влиянием Британии был рост сельского пролетариата. Опыт неудачной революции все же показал наличие революционного потенциала среди крестьянства, но революционеры не смогли привлечь сельский пролетариат, не антагонизируя отношений между средним и мелким крестьянством⁹.

На основе сопоставления моделей развития стран Б. Мур делает выводы о том, что:

- комбинации капитализма и парламентской демократии сложились после серии революций (Англия, США, Франция);

- капитализм через ряд реакционных политических форм перешел к фашизму;

- коммунистический курс развития выступил следствием того, что в Китае и России революции стали главным, но не единственным направлением развития.

Консервативные революции вели к фашизму, крестьянские – к коммунизму. Исторические предпосылки обусловили различия в рассматриваемых им страновых паттернах. Внутри каждого типа развития наблюдались также различия в борьбе, но были и общие моменты, к которым относятся формальные правила, схемы их смены, участие низших слоев населения в конструировании арбитражных правил при переходе к западной концепции свободного общества¹⁰. Имеются и сходства политических систем этих стран: сильная централизованная власть (монархический абсолютизм или бюрократия), в XVI–XVII вв. становившаяся арбитром и модернизатором. Земельная аристократия пыталась получить свободу от роялистского контроля при отсутствии сильного политического класса в городах и искала «свободы в буржуазных революциях»¹¹, хотя были и исключения (Россия).

Таким образом, принципиальным актором в процессе трансформации были участники аграрного сектора, и важно не «столько то, что земельная аристократия повернулась к коммерциализации в агрокультуре, сколько то, какие формы это приняло»¹². Продвижение коммерции в города и налоговые требования абсолютизма предполагали все большие наличные платежи, и в разных странах были разные паттерны реакции

землевладельцев на эти требования: английские крестьяне перешли к частным фермам, отчасти эту же модель с экспортом продовольствия переняла Россия. Высшие землевладельческие классы оказались перед дилеммой выстраивания отношений с монархией и ответа на вызовы производства и рынка. Одновременно вставал вопрос о коалиции или контрcoalитии аристократии и джентри с буржуазией. Революции позволяли в таких случаях разрушить силу земельной элиты и расширять «институциональные результаты» этого процесса. По сути, революции стали итогом роста экономической власти коммерческого и промышленного класса, что пришло в противоречие с объемом политической власти, оставшейся в руках старой аристократии.

Главным ответом на вызовы коммерциализированной буржуазии со стороны высших землевладельческих классов было стимулирование крестьянских восстаний. Так, в Китае и России крестьянские восстания были показателем того, что землевладельцы успешно или неуспешно входят в новую систему, но необходимо учитывать и степень солидарности и кооперации при разделении труда в крестьянской общине как один из факторов, который влияет на революционные проявления. Вандея или японские крестьяне – нетипичный для крестьянства паттерн, ибо уровень солидарности демонстрируется именно крестьянством, а это важно для понимания политических тенденций. Низкий уровень солидарности предполагает трудности с любым типом политических акций, а важны в первую очередь мятежные и революционные формы солидарности. Возможны и иные типы солидарности:

- консервативная (Индия, Япония), возникающая при разделении труда и строгих санкциях;

- радикальная солидарность (Россия), основанная на разделении ресурсов, особенно земли. Особенности солидарности порождают сами политические акции как современные феномены (Франция, Германия, Италия).

Таким образом, Б. Мур показывает, что крестьянские революции можно рассматривать как показатель институциональной слабости связей между крестьянством и высшими классами. Крестьяне фактически реконструируют общество и становятся первой жертвой такой реконструкции, как это и произошло во Франции¹³.

Особо следует сказать о теме, которой Мур уделяет пристальное внимание, – моральные и идеологические основания масштабных политических и социальных трансформаций, и особенно

их роль в революционном процессе и достижении революционного результата.

Он отмечает мультивариантность развития социальных конфликтов¹⁴, что порождает различные формы социальных соглашений, контрактов для их регулирования. Опираясь на теорию праздного класса Т. Веблена, Б. Мур говорит о двух условиях мирного развития ситуации: массы должны признать, что элиты служат тем же целям, что и они; должна иметь место манифестация величия и достижений *своего* общества¹⁵. Если элиты терпят фиаско при попытке реализовать эти условия, они теряют защищенность, тогда становится возможной смена отношений производства и типа социальных отношений, особенно если в сознании масс присутствует классическая модель паразитирующих высших классов. Именно с позиций такой модели Б. Мур рассматривает военное сословие Европы, ученый слой Китая и бюрократию России.

На примере Германии он показывает, что военная элита и аристократия ранее всего чувствуют падение своей защищенности, что ведет к росту насилия в XX в. Эти процессы принимают различные формы в зависимости от уровня индустриализации государств. Для современных обществ с ростом разделения труда в них и фрагментацией общества особую важность приобретают протестные акции против элит и авторитета власти. При этом Мур, ссылаясь на эксперименты психологов (С. Милграм), полагает, что моральная автономия личности сохраняется на уровне повседневного опыта, однако говорит об индивидуальной траектории поведения, а не о групповой, что выглядит логически противоречивым (З. Пек, Ф. Редл, Д. Винеман и пр.), и размышляет о роли интеллигенции в становлении такой автономии¹⁶ на примере движений протеста 60-х гг. в США, в том числе рассматривая их действия через призму кризисов идентичности, психических жертв и пр.

Проблема революции состоит в установлении рациональных форм авторитета и избегании элитизма. К конфликтам приводят принципы распределения социального продукта и формы эксплуатации.¹⁷ Б. Мур предлагает учитывать как индивидуальные аспекты социального бытия человека, формирующие attitudes отношения к власти и авторитету и познаваемые с помощью фрейдистских теорий¹⁸, и отражающиеся в изменениях, связанных с эффективностью политического сопротивления, адаптации к дисциплине машинного производства индивидуальности тра-

екторий развития борьбы, так и социальные аспекты революционных ситуаций, связанные с разделением труда и авторитетом власти, что возможно исследовать с позиций марксистской методологии¹⁹. Его интересует институциональная основа коллективных действий – профсоюзы, партии и пр., что должно быть дополнено изучением проблем национальной идентичности, которые, как он считает, необходимо включить в связи с изучением правых движений. Национализм же Мур считает уделом государств, получивших поражение в войне²⁰, как следствие возникновения барьеров национальной идентичности, что объясняется культурными факторами с помощью фрейдистских теорий.

Таким образом, подводя итог анализу выше-названных ключевых работ, можно сделать следующие выводы относительно концептуального обрамления этих фактов. В качестве мифа правящих классов он рассматривает катонизм – воспевание «связи с почвой», противопоставляемое торговле, интеллектуальным «излишества» и космополитизму в целях усиления репрессивной власти. Анализируя в противоположность катонизму собственно крестьянские представления об общине, Б. Мур опирается на ресурсную трактовку этого понятия, весьма схожую с положениями Ч. Тилли: каждый член общины должен иметь достаточно ресурсов, чтобы выполнять обязательства по отношению к общине, что и закрепилось в крестьянском опыте и спровоцировало развитие крестьянской морали, системы критериев оценки поведения как внутри общины, так и вне ее. Б. Мур отмечает, что крестьяне применяют эти критерии к процессу модернизации, оценивая с их помощью свою судьбу. Отсюда нередко в среде крестьянства возникает мысль о восстановлении прежних прав; эти идеи привлекают отчасти и мелких ремесленников, и даже рабочие элементы и фактически формируют революционное поле, в том числе и в городской среде. Во многом они были реализованы в социальных движениях революционного характера, чаще в их европейских вариантах. В Азии же крестьянское недовольство принимало другие формы до тех пор, пока не было подхвачено коммунистами.

Рассматривая распространение современной революции, Б. Мур весьма осторожен в оценках исторического опыта отсутствия выраженного революционного насилия, поскольку факты сви-

детельствуют о тенденции к установлению фашистских режимов в обществах, не прошедших выраженную стадию революционных потрясений: «трагедии жертв фашизма и его захватнических войн – следствия модернизации без настоящей революции», другим следствием может быть стагнация демократии в невосставших обществах, как это происходит в Индии. Таким образом, имеются и положительные аргументы в пользу революции. В западных демократических странах революционное насилие (как и другие формы насилия) было частью единого исторического процесса, который сделал возможным последующие мирные изменения. В коммунистических странах революционное насилие также было частью разрыва с репрессивным прошлым и попытки построить менее репрессивное будущее. По сути, все известные формы индустриализации были революциями сверху, делом рук меньшинства. В то же время деформации, порожденные революцией, создают новых собственников, заинтересованных в подавлении других²¹.

Библиографический список

1. Moore B., Wolff R., Marcuse H.: A Critique of Pure Tolerance', Beacon Press, Boston, 1965.
2. Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World, Beacon Press, Boston, 1966.
3. Moore B. Injustice: The Social Bases of Obedience and Revolt, M. E. Sharpe, White Plains, NY, 1978.
4. Moore B. Authority and Inequality under Capitalism and Socialism (Tanner Lectures on Human Values), Clarendon Press, Oxford, 1987.
5. Moore B. Moral Aspects of Economic Growth, and Other Essays (The Wilder House Series in Politics, History, and Culture), Cornell University Press, Ithaca, NY, 1993.

¹ Moore B., Wolff R., Marcuse H.: A Critique of Pure Tolerance. Beacon Press, Boston, 1965. P.74.

² Ibid, p. 95.

³ Здесь Б. Мур во многом солидарен с работами Ч. Тилли, см. например Tilly Ch. From mobilization to revolution. – Reading (mass) etc.: Adisson –Westley. 1978; Tilly Ch. European revolutions 1492–1992. – Oxford. Cambridge: Blackwell. 1993; Tilly Ch. Etc. The rebellious century. – Harvard university press. Cambridge. 1975; Tilly Ch. The Vendee. – London, Edward Arnold publ. 1964.

⁴ Ibid, p. 109–110.

⁵ Ibid, p. 153.

⁶ Ibid, p. 214.

⁷ Ibid, p. 250–254.

⁸ Ibid, p. 314.

⁹ Ibid, p. 368–384.

¹⁰ Б. Мур активно ссылается на работы К. Маркса, К. Виттфогеля, дискутируя с ними по вопросу о том, могли деспотизм формироваться на основе контроля за водоснабжением там, где власть не могла представить существенные для общества задачи и стимулировать активность общества по их выполнению.

¹¹ Ibid, p. 418.

¹² Ibid, p. 419.

¹³ Ibid, p. 478–480.

¹⁴ Moore B. Injustice: The Social Bases of Obedience and Revolt, M. E. Sharpe, White Plains, NY, 1978. P. 51.

¹⁵ Ibid, 40–41.

¹⁶ В этих вопросах Б. Мур ссылается на работы Кольберга, последователей школы Пиаже, интерпретации Фрейда.

¹⁷ Ibid, p. 450–459.

¹⁸ Ibid, p. 418.

¹⁹ Ibid, p. 464–468.

²⁰ Ibid, p. 486.

²¹ Подробнее об этом см.: Moore B. Authority and Inequality under Capitalism and Socialism (Tanner Lectures on Human Values), Clarendon Press, Oxford, 1987. В этой работе им сопоставляются СССР, США, Китай с точки зрения общественных противоречий, породивших различные тренды развития демократических институтов. Все три страны Б. Мур рассматривает как действенные альтернативы европейскому паттерну революционного социального развития.